

©1999 г.

М.О. МНАЦАКАНЯН

НАЦИИ, "НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО" И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МНАЦАКАНЯН Мкртич Оганесович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД РФ.

Этносоциологи всего мира и всех направлений с поразительным единодушием отмечают неуклонное возрастание в последние десятилетия роли и значения этнонационального фактора в мировом развитии в целом и в жизни отдельных, особенно многонациональных стран. Разнонаправленные процессы национально-этнического характера, интеграционные и дезинтеграционные тенденции, сопровождающиеся множеством трений и конфликтов, в том числе и военных, ставят перед исследователями трудные задачи. Весьма расхожими в научной лексике стали выражения "этнический взрыв", "этнический парадокс" и т.п. Опираясь на социальную доктрину постмодернизма, ряд западных ученых из школ "инструменталистов" и "конструктивистов" выдвинули концепцию, согласно которой национально-этнические общности - это социальные конструкты, искусственно созданные интеллектуалами и политическими лидерами, преследующими свои корыстные интересы, провоцирующими национальные движения и конфликты.

Конструктивистские идеи проникли в Россию с распадом СССР, когда возникли серьезные опасения дезинтеграции Российской Федерации в связи с ростом межэтнических конфликтов. Некоторые радикально настроенные исследователи, выражая идеологические устремления части федеральной политической элиты, предложили свои варианты политического "нациестроительства", концепция которого была разработана Эрнестом Геллнером. Разрекламировав ее в качестве вершины теоретической мысли в данной сфере науки, они категорически отвергают иные, в том числе и социокультурные традиции и способы интерпретации этничности и национальной общности. Поэтому правомерно, прежде всего, выяснить: что же представляет собой "нациестроительство" Э. Геллнера и как используют его установления наши авторы?

Теория Э. Геллнера и реальные процессы формирования наций

Кратко суть геллнеровской концепции заключается в том, что нации имеют сугубо политическое происхождение, т.е. этносы обретают черты нации в результате не саморазвития на этнической основе, а политического действия и по существу являются продуктами деятельности самого государства. Власть формирует и создает национальные интересы, политические силы и группы, программы и средства нациестроительства, реализуя при этом определенные культурные, геополитические, лингвистические предпосылки. "Фактически нации, как и государства - всего лишь слу-

чайность, а не всеобщая необходимость", - подчеркивает Э. Геллнер [1, с. 34]. И оттого не имеют территориальных, культурных, экономических, языковых, психологических характеристик, обладают только политико-правовыми признаками. "Группа людей... становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу" [там же, с. 35].

Нации, таким образом, предстают не исторически необходимо складывающимися сообществами людей, но случайностью игры политических сил. Они - "продукты человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей". Вместо реально осязаемых, эмпирически доступных и характерных для всех наций признаков предлагаются теоретические конструкции, сложенные из более эмоциональных и трудно осязаемых "блоков": сопричастности и солидарности; общего наследия и добровольной идентификации; свободного выбора и разделяемого противопоставления.

Э. Геллнер понимает внутреннее противоречие своей теории: в современном мире количество наций и государств не совпадает, многие нации не располагают своими государственными образованиями. Но он находит выход в том, что делит их на реальные и потенциальные. Лишь первые обрели свою государственность, а вторые так и остаются без нее, потому что основаны на дикой и низкой культуре. Каждая высокая культура чревата национализмом и хочет создать собственное государство. "Не все дикие культуры могут перерасти в высокие культуры, и те из них, которые не имеют серьезных оснований на это надеяться, обычно устраняются без всякой борьбы; они не порождают национализма" [там же, с. 118-119].

Можно подумать, что Э. Геллнер говорит про культуру некоторых африканских племен или малых народов Азии. Нет, им вообще отказано быть включенными в понятие потенциальных наций. Подразумевается прежде всего Европа, те народы, что оказались в рамках уже существующих национальных государств: шотландцы, фламандцы, уэльсцы, каталонцы, баски, валлоны, корсиканцы. Именно они потенциальные нации, ибо у них даже нет собственной культурной самобытности. "Языковое отличие Северной Шотландии несравненно больше, чем культурное отличие Шотландии от прочих регионов Соединенного Королевства" [там же, с. 111]. Эти различия, считает он, такие же, как и различия между землями внутри Германии и Италии, югом и севером России. Иными словами, это те же этнографические части англичан, французов, кастильцев, фатально обреченные на постепенное растворение и исчезновение.

Первый же взгляд на Европу показывает, что реальное становление десятка таких национально-этнических общностей происходило без каких бы то ни было орудий "нациестроительства" и вопреки государственной политике ассимиляторства. Формы национальной государственности множества народов строятся на наших глазах благодаря борьбе за самостоятельное развитие. Тем самым только сейчас завершается процесс утверждения целостной системы национальных государств в Европе. Каждый народ будет представлен своим особым государственным устройством. В этом логика, последовательность исторического процесса, тенденция всяких национальных движений, обнаруженные и обоснованные классиками социологии М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Ф. Энгельсом и др. Сжато и образно их выразил Н. Бердяев: "Всякая нация по здравому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории... Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим, нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью". И далее: "...всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая дух нации" [2, с. 96-97, 102].

Э. Геллнер не мог не видеть развития этих процессов. Наверное, чувствуя уязвимость самих теоретико-методологических основ выдвигаемой концепции, он прибегает к сомнительному приему, заявляя, что государство вообще старше нации, оно родилось еще-де на Древнем Востоке, в античную эпоху и имеет историю в несколько

тысяч лет, в то время как нация - феномен только нового времени. Он оперирует абстрактными понятиями, говорит о государстве вообще, оставляя в стороне вопрос громадного значения - о формах и исторически конкретных типах государства. Он "забывает", что "нациестроительство" как общественная категория сопряжено не с государством вообще, а с его исторически конкретной формой - национальным государством, возникшим путем ликвидации феодального партикуляризма и политической раздробленности в Европе XVI-XVII вв. Ему предшествовали сложные социальные процессы роста городов, формирования буржуазной предпринимательской деятельности, расширения торговли и товарно-денежных отношений, свертывания местных рынков, разграничения населения Европы по языковому признаку, т.е. консолидации национально-этнических общностей.

Теоретически неоспоримо положение о том, что государство никогда не возникает, пока социокультурные потребности агломерации новых, более широких общностей по мере социальной стратификации и интеграции не вызовут его к жизни. Еще Л. Морган на огромном эмпирическом материале проиллюстрировал, как упадок родовых отношений и зарождение территориальной общности сделали необходимым появление государства. Э. Дюркгейм убедительно показал, что разложение сегментарных обществ, увеличение объема моральной плотности общества, символизируемое возрастанием его материальной плотности, приводят не только к прогрессу в разделении труда, но и к институционализации моральных и правовых норм. Сие, естественно, предполагает общественную солидарность, укрепление права и морали, институтов, государственности как неотъемлемого условия социального прогресса. И, конечно же, требует особой национально-государственной организации.

Нигде в Европе национальные (многонациональные) государства не складывались до формирования их субъектов. Подъем национального самосознания немцев уже в ходе свержения наполеоновской империи, национально-освободительная борьба итальянцев во времена Мадзини и Гарибальди свидетельствуют лишь о том, что по конкретным историческим причинам разрыв между формированием наций и появлением соответствующих государств оказался у них более протяженным во времени, чем в Нидерландах, Франции, Англии, Швеции. Государства национальностей Австрии и России так и не сумели ни германизировать, ни русифицировать население, т.е. осуществить "нациестроительство", растворить "низкие культуры" венгров, чехов, словаков, поляков, финнов, грузин, татар.

Исторически сложившиеся национально-этнические общности устойчивы потому, что призваны удовлетворять особые жизненно важные потребности людей, выполнять функции, которые прямо не связаны с государством, а имеют этнические основы и происхождение. Во-первых, национальная психология и самосознание осуществляют важные интегративные и нормативные функции, поскольку аккумулируют в себе культурные и духовные ценности народа, его историческую память, обеспечивая гомогенность и сплоченность общества, определяя формы и способы личностной социализации, поддерживая социальное взаимодействие между индивидом и социальными группами внутри данной общности. Во-вторых, этнические стереотипы, символы, ориентиры независимо от их конкретного содержания, выполняют когнитивные функции ввиду того, что обеспечивают индивиду восприятие внешнего окружения, существования "ИХ", других общностей и культур, возможности интеграции и сближения данного этноса с другими национально-этническими общностями. В-третьих, этничность, национальность выполняют и ряд инструментальных функций тем, что они служат реализации важных групповых и индивидуальных целей политического, экономического, социального и культурного характера. В целом духовная жизнь личности, ее образ жизни, мировосприятие и самоутверждение, пределы социальных возможностей, мобильности и т.д. во многом определяются этничностью. Ради справедливости отметим, что Э. Геллнер, в отличие от своих российских последователей, не считает национальную общность иллюзией. Раз она сложилась в результате "нациестроительства", то становится социальной реальностью, приобретаая

важное значение в жизни индивида. Он пишет: "Для среднего человека пределы его культуры представляют собой если не совсем пределы мира, то, по крайней мере, границы его трудовых возможностей, социальной преемственности, достоинства, эффективного участия и гражданства. Они определяют пределы использования его концептуальной интуиции, доступа к правилам игры и понимания социального мира. За этими пределами человек становится неуклюжим, неуместным, объектом усмешек и презрения, наталкивается на препятствия во всех своих начинаниях... Его глубочайшая идентичность определяется отнюдь не его банковским счетом, родством или статусом, а культурой его воспитания. Он националист не из-за атавизма, а как раз наоборот, скорее из-за совершенно трезвой, хотя редко явной и сознательной оценки своих собственных интересов" [3, с. 107]. Членство индивида в национальной общности аскриптивно предписано, его этническая идентичность носит особо устойчивый характер в общей структуре идентичности и если он иногда недооценивает или "забывает" об этом, то ему напоминает инонациональное окружение. Чего стоят, например, выражения - "лицо кавказской национальности", "мексиканец", "пуэрториканец" и т.п.

Наконец, сам Э. Геллнер не ставит знак равенства между национальностью и гражданством, хотя это ему часто приписывают. Он ведет речь о национализме, нациях, культурах, и в логике его рассуждений присутствует идея о том, что государство, построив нацию, стремится ассимилировать, растворять культуры прочих этнических общностей, продолжая, теперь в этом смысле, процесс "нациестроительства". Разумеется, у Э. Геллнера немало идей, положений, помимо вышеописанных, по которым можно (и нужно) спорить. Кстати, его концепция национализма, к примеру, не может не порождать целого ряда возражений. Однако не будем этого затрагивать, дабы не отклоняться от основной линии научного спора.

Теории "нациестроительства" в современной России

Отечественные "нациестроители" не безбидные сторонники геллнеровских воззрений, пытающиеся применить оные к сложной этнонациональной ситуации в российском обществе. В их конструкциях "нациестроительство" перестало быть научной теорией, превратилось в политико-идеологическую доктрину. Здесь полностью отсутствует позитивная основа разработки программ политики демократического решения сложных межнациональных проблем, напротив, таковые блокируются и загоняются в тупик. Действительно ли это так, пусть судит читатель.

В последние годы особенно активно с идеями политического "нациестроительства" выступает профессор В.А. Тишков. В теоретико-методологическом плане у него нет ничего нового, он просто отсылает читателя к Э. Геллнеру и, повторяя (а то и "развивая", "дополняя") некоторые постулаты того, сразу же переходит к изложению собственных взглядов. А их крайне трудно систематизировать и сколько-нибудь упорядочить, автор мало заботится о теоретической логичности и последовательности своих суждений. Содержание одной публикации в корне противоречит другой. В одном он тверд и непоколебим: нация - иллюзия, "пустое слово", предмет риторики, "выдумка академических схоластов"; нация - "политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория", это "сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских страстей" [4, с. 35,37].

По утверждению автора, ныне, хотя и существует национальное государство в лице Российской Федерации, нации тут еще нет. Он оставляет открытым вопрос - кто же такие русские и рассуждает лишь о существовании этнических образований в автономиях. Его главная идея заключается в том, что народы, населяющие Россию, фатально обречены оставаться донациональными образованиями, пока не будет построена единая российская нация. Особое "нациестроительство" отдельных этносов невозможно потому, что автономии как национально-государственные образования -

фигиции. Читателю понятно? В России нации вообще нет, а государство - национальное, и не федеративное, но унитарное.

В другой же работе В.А. Тишков вдруг заявляет, что в Российском государстве проживает в высшей степени консолидированная единая нация, все члены которой говорят на русском языке. Теперь этносы уже вовсе отсутствуют, автор даже не знает, что это такое. Теперь татары, чеченцы, буряты у него русские. По этой же логике "русские, проживающие в Эстонии... должны считаться... членами эстонской нации", русские, осевшие в Казахстане - казахами и т.д. [5, с. 65, 72]. Грузинской нации тоже нет - "это порождение грузинских интеллектуалов, находившихся под влиянием марксизма" [там же, с. 67]. Он предлагает изгнать из науки лексику, связанную с этнонациональной общностью, "перейти к более глубокому и чувственному пониманию феномена этничности", ибо бытующие термины и дефиниции порождают "общественную нетерпимость, плохое управление и трагические коллизии" [4, с. 37]. Выходит, в чеченской войне, осетино-ингушских столкновениях и прочих различных коллизиях виноваты академическая наука, "ученые-схоласты". Не реальность, практика и политика лежат в основании трагических коллизий, а научные определения. И как только в науке утвердятся тишковская версия "нациестроительства", положения об иллюзорности нации, мифичности национальных интересов, в обществе воцарится мир и согласие, все национально-этнические общности дружно откажутся от своих культур, традиций, ценностей, устремлений. Не служат ли иллюзией сами суждения автора и не приведут ли попытки их внедрения в качестве теоретической базы политики к новым осложнениям, трагическим коллизиям?

Профессор А.Г. Здравомыслов, в свою очередь, предлагая релятивистскую теорию нации и рефлексивной политики, идет еще дальше. Ритуально ссылаясь на Э. Геллнера, он утверждает - главное не в том, "что такое нация на самом деле" и в чем состоят "подлинные национальные интересы", а в том, как создается образ нации в сознании конкретного сообщества. Он категорически отрицает ее объективное существование как социальной реальности и называет "воображаемой общностью".

Какой же определяющий вывод сформулирован автором? Оказывается, проблемы наций, их взаимоотношений, национальных идей, безопасности надо решать, *"исходя из так называемых объективных предпосылок, задавая себе вопрос - не является ли данная нация сама источником повышенной опасности для других народов и государств?"* (курсив мой. - М.М.) [6, с. 30]. Неужели и впрямь уважаемый ученый полагает, что поиски "национальных врагов" сегодня становятся основным делом науки?

На ошибочность вышеизложенных интерпретаций уже обращалось внимание в ряде публикаций [7]. Глубокомысленное теоретизирование и постмодернистские термины не могут скрыть главного помысла "нациестроителей": проповедь унитаризма, национально-этнического нигилизма, идеологии насильственного ассимиляторства. Но насколько совместимы подобные взгляды с задачами сохранения целостности российского государства, можно ли такими средствами уберечь его от новых потерь и потрясений? Как раз наоборот, они способны стимулировать новую волну сепаратизма, трений и конфликтов, которых и без этого полно в нашей этнополитической жизни.

Национальная вражда и дискриминация несовместимы с демократическими принципами жизнедеятельности любых национально-государственных форм. Не может народ утвердить свой суверенитет, пользоваться плодами своей государственно-политической организации, не уважая права других этнических групп, живущих на данной территории. С этим все ясно. Но есть и другая сторона проблемы, которая обычно остается в тени, хотя она имеет принципиальное значение. Коротко о ней.

Представители разных национальностей проживают во всех странах мира, однако, многонациональность России - иного характера. Скажем, Германия, Италия, Португалия - многонациональные государства, пусть в них и осело множество выходцев из

Азии и Африки. Россия же явилась пространством, на котором разместились "исторические родины" автохтонных народов, колыбели их культуры и духовной жизни. С ними связаны, в первую очередь, их "историческая память", психологическое восприятие собственной "самости", основы этнической идентификации и самосознания. Здесь, на этих территориях и в лоне этих культур формируются условия и факторы их самосохранения и самореализации. Национально-государственные образования в формах автономий сегодня служат интересам демократии, являются символами и выходом демократизма в межнациональные отношения, подтверждая принцип равноправия. Претворение в жизнь политики культурного и духовного развития этносов, поддержания национальных языков, школ и всей образовательной системы становится имманентной функцией национальной государственности.

Для национального мира и согласия не так уж важно, что не всегда титульное население составляет большинство в республиках РФ. Существеннее другое - каждый народ представлен особой формой государственного управления. Многомиллионный татарский этнос, например, более или менее компактно проживает на своей этнической территории, но при определении границ автономии еще в советскую эпоху только около 30% народа оказалось в пределах своей республики, а оставшаяся - подавляющая - часть оказалась в Башкортостане и областях Поволжья. Да в в самом Татарстане татары составляют 48,5% местных жителей (по переписи 1989 г.). Однако было бы неправильно на этом основании недооценивать (чем грешат порой этносоциологические исследования) того факта, что эта республика выражает государственность татарской национально-этнической общности. Добросовестным исследователям легко убедиться: для татар, где бы они ни жили - в Ульяновской области или в Москве - автономный Татарстан символизирует национальную идентичность, проявление национального равноправия, выражение собственного достоинства, реализацию национальных прав. Такое же можно сказать и применительно к башкирам, чувашам, якутам, тувинцам, осетинам.

Не воплощая в реальную действительность национальные права граждан, российское государство попросту не сможет развиваться на путях демократии. Этого упорно не хотят понять наши "нацистроители".

Новые национально-этнические тенденции

в многонациональных странах Европы

Парадоксально, но факт, что политические теории "нацистроительства" ("конструктивизм", "инструментализм" и т.п.) оформились на Западе именно тогда, когда реальные и широко известные национально-этнические процессы разворачивались в совершенно ином русле. Тут мы вообще не обнаружим ни одного исторического свидетельства того, чтобы национальному государству довелось "построить" единую государствообразующую нацию посредством слияния с ней различных этнических групп, компактно расселившихся и имеющих гомогенный характер. Правда, декларация и попытки были. Так, Франко ни террором, ни насилием, ни кровью не удалось создать монолитную испанскую общность, подавить национальные движения басков и каталонцев. Даже в условиях демократического развития английское государство не сумело, используя отпущенное историей время - несколько столетий, сформировать целостный английский народ. Это относится и к другим многонациональным странам. В Европе после Второй мировой войны с ростом национального самосознания этнических общностей развернулась борьба за самоопределение. Демократическое решение проблем их самостоятельного развития нередко снимало угрозу сепаратизма, укрепляя тенденцию к сохранению целостности государства благодаря федеративным связям на базе политической автономии.

Или возьмем такие примеры. В Бельгии - едином королевском государстве - сосуществуют этнические группы, изъясняющиеся на трех языках: на севере -

фламандцы (5,7 млн. чел.), родным языком которых является фламандский, на юге - валлоны (3,3 млн.), чей родной язык - французский, и на самом востоке - немецкоязычное меньшинство. В 60-е годы поднялась мощная волна выступлений всех этнических групп, стремившихся к политическому самоопределению. И в 1970 г. парламентом принимаются основные законы, касающиеся национального вопроса, начались конституционные реформы, предусматривающие деление страны на четыре автономных региона по национально-этническому признаку (Фландрия, Валлония, Брюссель и район немецких кантонов Эйнен и Мальмеди). На протяжении 1980 г. были сформированы автономные правительства и по Конституции 1994 г. страна была объявлена "федеральным государством, состоящем из сообществ и регионов" [8, с. 140, 144]. Ф. Деламартино (профессор Института европейской политики) даже видит в этом союзе некоторые черты конфедерации - в частности, ведение самостоятельной внешней политики [9, с. 80].

В послефранковской Испании федерализация ее национально-этнических территорий в ходе демократизации общества пошла иначе. Начиная с 1979 г. получили автономию Каталония, Баскония, Валенсия, Галисия и Балеарские острова. Этнические языки, наряду с кастильским, стали официальными в результате гражданского волеизъявления. В целом же страна была разделена на 17 крупных административных единиц - национальных и территориальных [10, с. 126-127]. Сложилась "асимметричная" конфигурация федерации, в которой национальным автономиям предоставили широкие права на использование природных ресурсов, большие возможности в развитии национальной культуры, образования и т.д.

Что же касается Англии, то и здесь уже оформились национальные территориальные администрации шотландцев и уэльсцев, идут поиски определения их федеративных связей с центральным правительством. Парламент Шотландии настаивает на самостоятельности своей внешней политической деятельности и эксплуатации богатых нефтяных месторождений. И во Франции долголетнее национальное движение корсиканцев - еще с конца XVIII века - привело к созданию в 1991 г. Корсиканской автономии. Национальное Собрание в итоге трехкратных обсуждений было вынуждено официально признать существование "корсиканского народа" [11, с. 139].

Итак, Европа идет к тому, что практически все национальные общности, как формы этничности, будут представлены в общей системе национальных государств в собственной государственно-политической оболочке. Распад фиктивных федераций (СССР, Югославия, Чехословакия), установление новой демократической нормы, приемлемой для всех - больших и малых наций, открывают заманчивые перспективы интеграции согласно свободному выбору, воле и симпатиям народов.

"Нациестроительство" и национально-этническая обстановка в Азии и Африке

Концепции "нациестроительства" в афро-азиатских странах открыто проявляют свою сущность как политико-идеологические доктрины. Государства, возникшие на развалинах колониальных империй, отличаются укорененностью культурного плюрализма, сосуществованием в рамках социально-политических или государственных общностей отдельных культур, каждая из которых обладает своей системой социальных институтов и форм жизнедеятельности (брак, семья, образование, право, религия, образ жизни, виды экономической занятости). Они определяют и регулируют отношения внутри данной культурной общности, ее автономность, обнаруживая огромные потенции. Г. Смит, исследователь многоэтничных государств Африки, политическое руководство которых провозгласило "строительство единой нации", писал, что "было бы заблуждением анализировать систему в рамках ее официальной идеологии и законов, так как при структурных расхождениях между формой и содержанием, объектом социологического анализа должны быть реальные явления и условия" [12, с. 439].

Оставляя в стороне идеологические намерения и рассматривая действительные социальные реальности, мы обнаруживаем, что провозглашение "строительства единой нации" часто приводит к острой межэтнической напряженности и кровавым столкновениям. Во всех таких случаях руководящая элита берет курс на унитаризм и бюрократический централизм, отказывая иным культурам и этническим общностям в автономизации, обвиняя этнические группы в регионализме, сепаратизме и шовинизме. Отсюда политика форсированной ассимиляции. В конфликтах на этой почве государство практически не действует как беспристрастная третья сила потому, что в любой многонациональной стране современного Востока господствующие элиты сами принадлежат к определенным этническим группам и в той или иной мере выражают их интересы, обычно отождествляя таковые с интересами всего общества. И еще: "яцнестроительство" становится, как правило, политико-идеологической доктриной тогда, когда в стране есть политически доминирующая национально-этническая группа, претендующая на роль ассимилятора, растворителя в себе остальных этнических культур и групп.

Этносоциологи отмечают, что государства, идущие под лозунгом "строительства единой нации", не интегрированы, их прочность обеспечивается принуждающей силой, ограничением политических прав этнических групп и граждан, организационных возможностей и доступа к власти для подавляющего большинства населения, основная масса которого скорее подданные, чем граждане [13, с. 219]. "Нациестроительство" в Бирме, например, привело к 35-летней вооруженной борьбе бесправных национальных групп. Бразды правления находятся в руках представителей доминирующего в стране народа - бирманцев - 67,8% (28,5 млн. чел.), а другие народы - карены - 6,3% (2,65 млн.), шаны - 4,9% (2,05 млн.), араканцы - 4,2% (1,75 млн.), искони живущие на своих этнических территориях, десятилетиями добиваются права на свободное развитие. Это в то время, когда страна формально называется федерацией - Бирманский Союз, а ее автономные субъекты - государствами Кая, Шанское, Качинское, Каренское [14, с. 219]. Авторитарная власть превратила в Бирме федерализм в фикцию.

Сугубо идеологическое назначение доктрины "нациестроительства" особенно ярко проявилось на Филиппинах, в высшей степени многоэтнической стране, где уже сложились несколько задающих тон национально-этнических общностей: бисайцы (35% населения), тогальцы (25%), илоканцы (10%). Но до создания более широкой общности еще довольно далеко. Признаки "единой нации" не видны даже в Маниле - гигантском промышленном центре, рынок и капиталистическая деятельность которого, казалось, должны были бы способствовать ее формированию. Устойчиво сохраняются корпоративные и обособленные этнические группы со своими языками, обычаями, культурой. Здесь мы наблюдаем общую для всего Востока картину: президент Ф. Маркое, активно пропагандировавший "нациестроительство", десятилетиями призывавший к внедрению "общенационального духа", усматривавший важнейшую цель в том, чтобы "выковать национальное моральное единomyслие как предпосылку создания нации", на практике отдавал предпочтение локальному этноцентризму: подбирал людей на ответственные посты в правительстве и армии, создавал благоприятные условия на различных поприщах для выходцев из илоканцев. Сам этнический илоканец, он и воинскую часть, несущую личную охрану президента, укомплектовал исключительно илоканцами [там же, с. 235]. В этом же мелком русле "нациестроительства" движутся Индонезия, Таиланд, Шри-Ланка и т.д.

В африканских странах "нациестроительная" политика также не мешает фактическому доминированию меньшинства - той или другой национально-этнической общности.

Возрастающая вражда между этническими группами имеет двуединую основу: крайняя нищета львиной доли жителей, тяжелые социально-экономические обстоятельства генерируют напряженность прежде всего в межэтническом аспекте, поскольку вопиющая коррупция, казнокрадство осуществляются чиновниками, госу-

дарственными деятелями, выходцами из доминирующего народа. Вместе с тем этнический шовинизм, высокомерие господствующих групп постоянно унижает достоинство бесправных, но достаточно консолидированных, с окрепшим самосознанием обнищавших масс. Р. Исмагилова, проводя наблюдения и полевые исследования почти в двадцати странах Африки, обратила внимание не только на устойчивое проявление такого шовинизма, но и на распространенность негативных этнических стереотипов (оценка одних народов как "агрессивных" и "хищных", других как "предприимчивых" и "хитрых", третьих как "ленивых" и "неблагодарных", четвертых как "способных на предательство"), культивируемых и социально-экономической стратификацией национальной жизни, и религиозно-конфессиональной нетерпимостью, и восхождением тут "наций господ" [15, с. 22-23].

В Замбии, скажем, в течение тридцати лет "нациестроительство" под девизом "одна страна - одна нация" закончилось формированием на базе 73 народностей нескольких крупных национально-этнических общностей. С 1991 г. возникают трения между ними, когда новый президент Ф. Чилубе практически отстранил от власти другие национально-этнические группы (лози, тонга), сформировав правительство выходцами из бемба - "своего этноса". А когда в 1995 г. с принятием новой конституции доминирование бемба получило правовое закрепление и страна была разделена на христиан и мусульман, на коренные и некоренные этнические общности, начались межнациональные погромы [16, с. 17]. В Руанде народность тутси (15% населения, но наиболее высокоразвитая его часть) всецело контролировала государственный аппарат власти, чиновничество, а самый крупный этнос хуту (84%) безоговорочно был отстранен от властных функций. В серьезном межэтническом противоречии на этой почве только в апреле 1994 г. было истреблено около миллиона этнических тутси [17, с. 35].

И в той мере, в какой правящие элиты "молодых национальных государств" в процессе естественного нациеобразования превращают лозунги "строительства единой нации" в прикрытие для фактического доминирования отдельных, "своих" этнических групп, неизмеримо усиливаются внутренние трения и вражда. Неслучайно именно в 90-е гг. по всей Африке прокатилась волна особенно жестоких погромов (Заир, Конго, Бурунди, Эфиопия). Есть один единственный путь мирного развития и сотрудничества национально-этнических общностей внутри государства - последовательный демократизм, предоставление им равных прав в строительстве собственных национально-государственных образований. В этом смысле весьма полезен позитивный опыт Индии.

Получив независимость как федеративное государство, Индия в ту пору состояла из полиэтнических штатов и княжеств, не способных решать проблемы, стоявшие перед уже сложившимися национально-этническими общностями. В последующие десятилетия в соответствии с демократическими процессами шла реорганизация федерации на принципах национально-этнического устройства. К 1960 г. число федеративных субъектов достигло 14, а в 1987 г. - 25. Это штаты с высокой степенью этнической однородности, в которых компактно расселенные народы добились национально-территориальной автономии. Союз штатов, в сущности, оформил союз индийских народов [18, с. 169, 196]. С образованием штата Гуджарат (население 34 млн. чел., 9/10 которого гуджаратцы - один из наиболее консолидированных народов Индии) как национальной автономной единицы, этнические конфликты здесь прекратились. Штат Махараштра (62,7 млн.) стал "малой родиной" марахтов, обладающих развитым этническим самосознанием, высокой культурой и литературным языком. В поясе хинди - штаты Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Раджастан, Хараяну, Химачал-Прадеш и союзная территория Дели (с суммарным населением свыше 350 млн.) тоже наблюдается высокая этническая консолидация и распространение литературного языка [там же, с. 180-185]. Такие же прогрессивные характеристики можно адресовать и другим штатам.

Полное равноправие всех национально-этнических общностей (их зарегистри-

ровано 293), отсутствие доминирующего народа создают соответствующие условия для решения проблем самых небольших этнических групп. Одни из них (мизо, гаро, кхиси) проявляют тенденцию к саморазвитию и консолидации, другие - к ассимиляции, слиянию с крупными нациями-марахтами, гуджаратцами, хинди. Демократия в индийском обществе всячески благоприятствует развитию национально-этнических процессов. А реальный и совершенствующийся федерализм, национальная свобода, институционализация многонациональности государства способствуют демократизации всей политической системы страны.

Современные национально-этнические процессы в мире, практика нациеформирования опровергают теории "конструктивизма", "инструментализма" и иные варианты "нациестроительства". Не имея сколько-нибудь научной значимости, они выступают вполне оформленными политико-идеологическими концепциями, направленными на государственную политику и массовое сознание. Ими вооружаются в первую очередь авторитарно-бюрократические режимы африканских и азиатских стран, исходящие в своей политике из признания необходимости жесткого подавления этнических волнений, неуклонного осуществления насильственного ассимиляторства.

Демократическая позиция не приемлет подобных теоретических и практических подходов, требует понимания новых реалий в национально-государственном строительстве. Она очень близка нам, россиянам, располагающим горьким опытом межнациональных конфликтов, прошедшим через чеченскую войну, ибо стимулирует утверждение того свободолобивого духа, без которого невозможны ни плодотворная интеграция, ни подлинное сближение стран и народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
2. Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.
3. Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. L., 1994.
4. Тишков В.А. О нации и национализме // Своб. мысль. 1996. № 3.
5. Тишков В.А. Нация: теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Часть 1. М., 1994.
6. Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория нации и рефлексивная политика // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. М., 1997.
7. См.: Баграмов Э.А. Нация как согражданство? // Независимая газета. 1994, 15 марта; Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федерального устройства. М., 1996; Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Своб. мысль. 1996, №6; Тощенко Ж. Концепция опять не состоялась // Независимая газета. 1996, 4 июля; Мнацаканян М.О. Этносоциология: нация, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998; Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или социальная реальность? // Социол. исслед. 1998. № 6.
8. См. Намизова А.С. К вопросу о межнациональных отношениях в Бельгии // Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке XIX-XX вв. М., 1996.
9. См. Козлов А.Е. Федерализм в Бельгии и России // Государство и право. 1997. № 7.
10. См. Данилевич И.В. Автономизация Испании // Полит, исслед. 1995. № 5.
11. См. Казанская Г.В. "Особый случай" Корсиканской автономии // Полит, исслед. 1995. № 5.
12. Smith M.G. Pluralism in Africa. Ed. by Kuper L. Berkley, 1969.
13. См. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.
14. См. Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
15. См. Исмаглова Р. Этничность и политика // Азия и Африка сегодня, 1997, № 6.
16. См. Поляков А. Замбия. Борьба за власть обостряется // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12.
17. См. Соколова Р. Две народности - два врага? // Азия и Африка сегодня. 1997. № 6.
18. См. Праздускас А.А. Этнос, политика, государство в современной Индии. М., 1990.